правилъ, а отсюда изученіе ихъ сводится только къ умѣренному упражненію, которое можно пріурочивать къ чему-либо болѣе полезному.

Онъ призналъ за лучшій способъ изученія языка—практиковаться въ сочиненіяхъ.

Въ первомъ и второмъ классахъ выборъ сочиненій предоставлялся самимъ ученикамъ. Любимымъ предметомъ для сочиненій въ первомъ и второмъ классахъ была исторія Ветхаго Завѣта, которую ученики писали два мѣсяца послѣ того, какъ ее имъ разсказалъ учитель.

Въ первомъ классѣ пробовали давать сочиненія на заданныя темы: описанія хлѣба, избы, дерева, но, къ удивленію учителя, требованія эти доводили учениковъ почти до слезъ, и, несмотря на помощь учителя, подраздѣлявшаго описаніе хлѣба на описаніе о его произрастаніи, о его производствѣ, объ употребленіи,—они рѣшительно отказывались писать на темы такого рода, и ежели писали, то дѣлали непонятныя, безобразнѣйшія ошибки въ орѳографіи, языкѣ и смыслѣ.

Тогда Толстой измѣнилъ способъ и попробовалъ задать описаніе какихъ-нибудь событій, и всѣ ученики обрадовались; имъ было гораздо труднѣе описать свинью, горшокъ, столъ, чѣмъ цѣлые, взятые изъ воспоминаній, разсказы.

«Учителю,—говоритъ Толстой, — кажется легкимъ самое простое и общее, а для ученика только сложное и живое кажется легкимъ».

«Всѣ учебники, — говоритъ Толстой, — начинаются съ общихъ законовъ: учебники языка—съ опредѣленій, исторія—съ раздѣленія на періоды, даже геометрія—съ опредѣленія понятія пространства и математической точки». Но общія идеи всего труднѣе для пониманія, а ребенокъ долженъ начинать съ чего-нибудь простого, отвѣчающаго его понятіямъ. «Для того, чтобы опредѣлить столъ или лавку, нужно стоять на высокой степени философско-діалектическаго развитія, и тотъ же ученикъ, который плачетъ надъ сочиненіемъ о лавкѣ, пре-